

Марина Ветрова ✦ Камила Левитан

ИГРУШКА ЖЕСТОКОГО НАСЛЕДНИКА.

Ты украл мой проект, но потерял из-за меня всё!

Марина Ветрова

**Игрушка жестокого наследника.
Ты украл мой проект, но
потерял из-за меня всё!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Игрушка жестокого наследника. Ты украл мой проект, но потерял из-за меня всё! / М. Ветрова — «Автор», 2026

Вера приехала в элитную архитектурную академию за мечтой, но оказалась игрушкой жестокого наследника. Артемий, сын декана, предлагает ей сделку: она отдаёт ему свои идеи, а он сохраняет её стипендию и место в академии. Отказ означает позор и отчисление. Когда соперница крадёт чертежи, а влиятельные преподаватели готовят обвинение в плагиате, Вере приходится бороться за собственное имя. Её проект может разоблачить опасную ложь, скрытую за роскошными фасадами. Но чем ближе финальный конкурс, тем неожиданнее ведёт себя Артемий. На кону стоит всё её будущее. Способен ли тот, кто хотел сломать девушку, отказаться от власти ради неё? И сможет ли Вера довериться ему снова?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Марина Ветрова, Камила Левитан

Игрушка жестокого наследника. Ты украл мой проект, но потерял из-за меня всё!

Глава 1

Ночь в академии «Монолит» пахнет не сном, а мокрым цементом и чужим страхом. Я стою у служебного входа в мастерскую, прижавшись спиной к ледяному бетону. Пальцы онемели от холода и собственной дерзости. Мне двадцать лет, я стипендиатка из города, где единственная высотка — это водонапорная башня, но сегодня я нарушаю комендантский час ради макета. Ради того, чтобы не вылететь с позором. Чтобы доказать, что я здесь не по ошибке благотворительности, а потому что вижу свет там, где другие видят только тьму.

Дверь не поддается. Она тяжелая, промышленная, с доводчиком, который шипит, как рассерженная змея. Я наваливаюсь плечом, чувствуя, как ткань куртки трещит по швам. Внутри меня всё кричит: беги, Вера. Но ноги не слушаются. Я должна попасть внутрь. Должна.

Дверь приоткрывается изнутри.

— Ты опять? — голос охранника Гены звучит глухо, без эмоций. Он даже не смотрит на меня, просто блокирует проход своим массивным телом. Запах табака и дешёвого кофе бьёт в нос. — Куратора нет. Пропуска нет. Иди спать, девочка. Или ты хочешь, чтобы я записал нарушение?

Его локоть впивается мне в ключицу. Грубо. Физически ощутимо больно. Я сползаю вниз, царапая ногти о шершавую стену. Бетон холодный, он пробирается под кожу, заполняя пустоту внутри. Унижение разливается горячим стыдом по щекам.

— Я не хочу спать, Гена. Я хочу работать, — шепчу я, задыхаясь.

Он фыркает, отворачиваясь, и я слышу щелчок замка, который закрывает перед моим носом последнюю надежду на честную сдачу проекта. Но вместо того чтобы уйти, я остаюсь в тамбуре. Отсюда видна лестница к кабинету декана. Этажом выше под приоткрытой дверью лежит полоска желтого света; до меня долетают голоса. Живые, реальные голоса людей, решающих мою судьбу.

Я крадусь по лестнице, стараясь не дышать. Ступени скрипят под подошвами кроссовок, каждый звук кажется громовым раскатом. Я останавливаюсь у порога. Дверь открыта ровно настолько, чтобы видеть силуэты.

— ...это смешно, Лариса, — мужской голос. Низкий, бархатный, но с металлическим оттенком. Артемий. Сын декана. Золотой мальчик факультета. Тот, кто считает бедность грехом безвкусицы. — Её макет примитивен. Света нет. Только бетон и амбиции.

— Именно поэтому мы её раздавим, — отвечает Лариса. Её смех звенит, как битое стекло. — Отец хочет показать мэрии, что «Монолит» — это элита. А элита не терпит мусора. Мы скажем, что она украла чертежи. Доказательства найдём. Грант получит моя группа. А эта... стипендиатка... исчезнет.

Моя кровь застывает в жилах. Не от холода. От ярости. Они говорят обо мне так, будто я уже мертвая вещь. Будто моя жизнь — это расходный материал для их красивого фасада.

Я толкаю дверь. Резко. Без стука.

Тишина в кабинете становится осязаемой. Она давит на уши. Артемий сидит за огромным столом из красного дерева, его пальцы замерли над клавиатурой ноутбука. Лариса стоит у окна, поправляя идеальную причёску. Оба оборачиваются.

В глазах Артемия нет страха быть пойманным. Там хищная ярость. Он смотрит на меня так, словно видит не девушку, а помеху в своей системе координат.

— Ты слышала, — констатирует он. Не вопрос. Приговор.

Лариса хихикает, делая шаг ко мне.

— Шпионка? Или просто глупая? Попытка украсть документы конкурентов? Это же плагиат и кража, Вера. Тебя отчислят. Ты потеряешь общежитие. Куда ты пойдешь? К мамочке в свой глинобитный городок?

Она подходит ближе, её духи сладкие, тошнотворные. Я чувствую запах её уверенности. Она права. Если сейчас они позвонят ректору, моя жизнь закончится. Я останусь на улице, в этой холодной стране, без денег и связей.

Артемий медленно поднимается. Он выше меня на голову. Его тень падает на меня, темная и всепоглощающая.

— Грязная, — произносит он тихо, но каждое слово режет воздух. — Ты недостойна воздуха этой башни. Ты загрязняешь пространство своим присутствием.

Я сжимаю кулаки, пока ногти не врезаются в ладони до боли. Боль помогает думать.

— Я пришла за макетом, — говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Проект скоро сдавать.

— Макета больше нет, — перебивает Лариса. — Мы его изъяли. Для проверки. На предмет плагиата.

— Ты лжешь! — рявкаю я, теряя контроль.

Артемий делает шаг вперед, блокируя выход. Его рука ложится на дверную ручку, преграждая путь. Он не касается меня, но я чувствую жар от его тела. Опасность исходит от него волнами.

— Тише, — командует он. — Крик не поможет. Поможет сделка.

Я замираю. Сделка? С ним? С тем, кто только что назвал меня грязью?

— Скоро смотр проектов мэрии, — продолжает Артемий, глядя мне прямо в глаза. Холодно, расчетливо. — Мэрия требует инноваций. Моя работа слишком... безопасна. Им нужна история. Нужен риск. Твой талант, Вера, хоть и сырой, но живой. Ты станешь моими глазами. Ты будешь презентовать концепцию от моего имени. Твои наброски, твои идеи света — всё будет оформлено в мой проект.

— Вы хотите присвоить мою работу? — шепчу я, чувствуя, как мир рушится окончательно.

— Я хочу, чтобы ты не оказалась на улице, — усмехается он. — Отказ означает звонок ректору прямо сейчас. Соглашение означает шанс остаться. Выбор иллюзорен, стипендиатка. Решай.

Сердце колотится где-то в горле. Предательство самой себя. Продажа души за крышу над головой. Но альтернативы нет.

— Хорошо, — выдыхаю я.

Лариса довольно улыбается. Она проходит мимо меня к столу, где лежит мой незаконченный макет — маленькая вселенная из картона, проволоки и света, которую я собирала три недели.

— Спасибо за сотрудничество, — говорит она слащаво. — Я заберу его. Для безопасности. Пока идет расследование...

Она протягивает руку к макету. Я делаю рывок вперед, пытаюсь схватить свою работу.

— Не трогай! Это мое!

Руки Ларисы сжимают картонные стены с презрением. Она знает, что может сломать это одним движением.

— Молчи, — голос Артемия звучит за моей спиной. Не угроза. Констатация факта. Цена выживания.

Я опускаю руки. Смотрю, как Лариса забирает макет, ставит его в коробку и бросает взгляд на Артемия. Они переглядываются — союзники, победители. А я — проигравшая сторона.

Мастерская отпустила меня только к рассвету. Гена молча пропустил меня на выход, не глядя, как не глядел весь вечер, и я пошла через спящую академию, пока лифт не доставил меня на этаж общежития. Всю дорогу перед глазами стояла коробка: картон, проволока, три недели моей жизни в чужих руках.

Коридор общежития встречает меня тишиной. Электрические лампы мигают, создавая стробоскопический эффект, от которого болит голова. Шаги отдаются эхом, как удары молотка по стеклу.

Я дохожу до своей комнаты. Номер 304. За дверью слышен приглушенный смех. Девчачий, веселый. Я тяну ручку на себя. Заперто.

Стучу. Один раз. Два.

— Открыто? — спрашиваю я в закрытую дверь.

Смех обрывается. Наступает неловкое молчание. Потом я слышу шепот. Громкий, нарочито отчетливый.

— ...слышали? Она с преподавателем спит. Ради гранта. Говорят, он её заставил.

Дверь не открывается. Я знаю, кто внутри. Подруги Ларисы. Они уже знают. Слухи распространяются быстрее, чем вирус в закрытой экосистеме.

Я стою в коридоре, прижимаясь лбом к холодной двери. Меня нет. Официально. Социально. Юридически. Я стала невидимкой, которую можно топтать.

Возвращаться в мастерскую поздно. Я иду в общий холл первого этажа, где есть розетка и Wi-Fi. Сажусь в углу дивана, обтянутого потрескавшейся кожей. Телефон вибрирует. Экран светится синим, как лунный свет над пропастью.

Неизвестный номер. Сообщение. Фотография.

На снимке — мой макет. Тот, что забрала Лариса. Он лежит в мусорном контейнере за зданием администрации. Облитый грязной водой. Одна стена отломана, провода торчат, как нервы. Рядом с фото текст:

«Они хотят, чтобы ты исчезла. Но я видел твои наброски. Они живые.»

Имя отправителя: Даниил. Тихий студент с ландшафтного. Тот, кто всегда смотрел на меня через зал, когда никто не обращал внимания.

Я смотрю на экран. Руки дрожат. Страх никуда не делся, он свернулся клубком в животе. Но вместе с ним приходит другое чувство. Горячее, красное, агрессивное.

Гнев.

Я понимаю теперь систему. «Монолит» — это не школа. Это мясорубка. Артемий и Лариса — палачи. А Даниил... он тоже боится. Он прислал фотографию с незнакомого номера и назвался только мне: тоже прячется в тени. Он наблюдатель, а не спаситель. Но он показал мне правду. Они не просто украли работу. Они уничтожили её физически. Это война.

Экран гаснет. В черном стекле видно моё бледное лицо, круги под глазами, растрепанные волосы. Я выгляжу как призрак.

Но призрак может стать демоном.

Я провожу пальцем по стеклу: снова появляется фотография сломанной стены, мокрых проводов. И впервые за эту ночь улыбаюсь. Пусть они считают меня мёртвой. Провода ещё различимы на снимке; я помню, куда шёл каждый из них. Пока у меня есть руки, они ещё не победили.

Глава 2

Утром я пришла в кабинет Артемия по его короткому сообщению: «В девять». Ключи лежали на столе, холодные и металлические, как приговор. Артемий не смотрел на меня. Он перелистывал страницы чужого диплома, делая вид, что я — просто фоновый шум в его идеальном мире стекла и бетона.

— Подпиши, — бросил он, не поднимая глаз. Листок контракта лег передо мной. Текст был мелким, плотным, удушающим. «Полное подчинение графику куратора». «Неразглашение коммерческой тайны». «Личная ответственность за репутацию». Это не договор о сотрудничестве. Это кабала.

Я сжала пальцы в кулаки, пока ногти не впились в ладони до боли.

— Я не рабыня, Артемий. Ты не имеешь права требовать от меня подписывать это, чтобы просто вернуть доступ к мастерской.

Он наконец поднял взгляд. Его серые глаза были пустыми, как зимнее небо над скалой. В них не было гнева, только скучающее презрение.

— Твой талант бесполезен без оборудования, Вера. Без принтеров, без материалов, без того места, где ты можешь физически существовать как студентка. У тебя два варианта: подпись или улица. А там, если помнишь, тебе некуда идти. Стипендия уже заморожена. Отец Ларисы постарался.

В горле встал ком. Я ненавидела его за эту спокойную жестокость. Но ненависть не кормила. Ненависть не давала крыши над головой. Я взяла ручку. Рука дрожала так сильно, что буквы вывелись неровно, почти карикатурно. Когда я поставила точку после фамилии, мне показалось, что я продала душу дьяволу. И он даже не заметил, потому что дьяволу нужно больше, чем одна душа. Он придвинул ко мне ключи от мастерской; я стиснула связку и спрятала в карман.

Дверь кабинета распахнулась с грохотом.

Лариса стояла на пороге, дыша часто и поверхностно. Её дорогое платье было помято, тушь размазана по скулам — редкая для неё небрежность, которая выглядела как маскарад.

— Ты всё ещё здесь? — её голос сорвался на визг. Она шагнула внутрь, игнорируя меня, глядя только на Артемия. — Ты сказал, что будешь один! Вчера ты обещал, что эта грязь будет работать на нас. Почему она сидит у тебя, а не у меня?

Артемий медленно закрыл папку.

— Она работает со мной, Лариса. Отойди.

Его тон был таким тихим, что от него мурашки побежали по спине. Но Лариса не отступила. Она повернулась ко мне, и в её глазах плескалась настоящая, неконтролируемая ярость.

— Девочка-подстилка, — процедила она сквозь зубы. — Решила, что если ляжешь под нашего золотого мальчика, то получишь грант? Ты думаешь, он хоть раз посмотрит на тебя как на человека? Он использует тебя, как мусорный бак для своих неудачных идей.

Я хотела ответить. Хотела сказать, что она мерзкая, что она завидует тому, что я могу вытерпеть то, что сломало бы её хрупкий мирок. Но я промолчала. Артемий не защитил меня. Он смотрел на Ларису так, будто она была досадной помехой в программе, а не живым человеком. Его молчание резало сильнее её слов. Я поняла тогда страшную вещь: их союз держится не на любви, а на взаимном использовании. Он позволяет ей истерить, чтобы контролировать курс через её отца, а она верит, что контролирует его своим ревностным собственничеством. Мы все были куклами в одной коробке.

— Идем, — коротко приказал Артемий, проходя мимо Ларисы, не удостоив её взглядом. Та захлопнула рот, но не ушла. Она осталась стоять в дверях, следя за нами.

Мы вышли в коридор. Шаги Артемия звучали уверенно, мои — шаркающе. В закрытых зеркальных дверях старого лифта отражались наши искаженные силуэты.

— Пока мы ждем, сделай вот это, — он протянул мне листок с эскизом фасада. Тот, который он забраковал три дня назад. — Только ручкой. Сейчас.

— Зачем?

— Потому что лифт ещё десять минут на профилактике, — он кивнул на табличку у кнопки вызова. — А я хочу видеть, как ты думаешь, когда паникуешь.

Я взяла бумагу. Пальцы одеревенели от холода кондиционированного воздуха. Ручка скользила по бумаге, оставляя резкие линии. Я пыталась вспомнить геометрию, которую он любил: острые углы, агрессивные навесы, стекло, которое режет солнце. Но внутри меня жило другое. Свет, который проникает сквозь щели. Мягкость камня, нагретого солнцем.

Я рисовала быстро, почти автоматически, чувствуя на себе его взгляд. Он изучал меня не как архитектора, а как патологоанатом. Ему было интересно, сломаюсь ли я от давления времени, или смогу сохранить точность линий.

Когда двери лифта открылись, я передала ему набросок. Он скользнул взглядом по линиям и сунул лист в карман.

— Слабо, — сказал он. — Но терпимо.

Мастерская №4 встретила нас запахом пластика и лака. Здесь всегда былолюдно, но сегодня пространство казалось стерильным и враждебным.

У станка с лазерной резкой стоял Даниил. Он увидел меня, и его лицо озарилось облегчением. Он шагнул навстречу, протягивая руку, в которой держал мой забытый пенал с цветными карандашами.

— Вера! Я нашел...

Артемий перехватил его запястье. Не грубо, но жестко. Физический барьер возник мгновенно.

— Контакт с посторонними во время работы над проектом мэрии запрещен, — произнес Артемий, не повышая голоса. — Верни предмет и уходи. Или я напишу докладную о нарушении техники безопасности.

Даниил замер. Он посмотрел на меня. В его глазах читалась просьба, надежда, что я выберу свободу. Что я крикну, что мне не нужны его правила.

Но я знала, что если я сейчас отвернусь от приказа Артемия, я потеряю всё. Ключи. Место. Будущее.

Артемий отпустил его запястье. Отведя взгляд, я забрала пенал из руки Даниила, коснувшись его пальцев лишь кончиками. Это касание было предательством. Самым тяжелым грузом, который я несла.

— Спасибо, Даниил, — прошептала я, не глядя ему в глаза.

Он отдернул руку, словно обжегшись. Его лицо потемнело. Не от злости. От жалости. Именно эта жалость взбесила меня сильнее всего. Он смотрел на меня как на жертву, а не как на равную. Он ушел, хлопнув дверью, и этот звук ударил меня в солнечное сплетение.

Теперь я была одна. Полностью изолированная в клетке, которую построил мой тюремщик.

Артемий положил на стол измятый черновик моего эскиза, сделанного у лифта.

— Посмотри на это, Вера. Это дешевая имитация стиля Монолита. Ты пытаешься копировать то, чего не понимаешь. Ты мыслишь как бедная студентка, которая боится испортить дорогой материал. Архитектор будущего должен думать категориями вечности, а не экономии.

Слова падали на меня, как камни. Каждый удар попадал точно в мою неуверенность. В тот страх, что я никогда не буду достаточно хороша, достаточно «правильна» для этого мира стекла и стали.

Что-то щелкнуло внутри. Хрустнуло.

— Моя честность не имеет цены! — закричала я. Голос сорвался, став тонким и пронзительным. — Это не дешевизна! Это правда света! Ты хочешь, чтобы я строила гробницы для людей, которые живут в тени твоего отца!

Я схватила карандаш и швырнула его ему в грудь.

Ожидание удара. Ожидание крика охраны. Ожидание конца.

Но ничего не произошло.

Карандаш упал на пол. Артемий замер. Его броня цинизма дала трещину. Он смотрел на меня, и впервые за всё время в его глазах мелькнуло что-то человеческое. Поражение. Может быть, узнавание. Он ожидал покорности или слез, но не получил ни того, ни другого. Он получил огонь.

Глава 3

Он медленно наклонился, поднял карандаш. Вместо того чтобы выбросить его, он аккуратно положил его обратно в мой пенал.

— Новая задача, — сказал он тихо, будто ничего не случилось. — Зал заседаний академии. Комната пять на семь метров. Потолок низкий. Нужно создать иллюзию простора. Используй свет. Только свет. Никаких стен. Никаких колонн. Найди способ сделать тесноту бесконечностью.

Это была метафора. Он спрашивал меня, как я вижу выход из ловушки. Как я вижу путь наружу, когда стены сжимаются.

Я кивнула. Голова кружилась от адреналина. Страх смешался с азартом. Я чувствовала себя игроком, который только что сделал рискованный ход, и теперь должен показать, что умеет считать карты.

Ночь прошла в общем холле у кухни общежития. Холодный кафель впивался в колени. Урчание в животе было оглушительным, но я игнорировала его. Я играла лучами фонарика на стенах, создавая теневые драмы. Я искала баланс между темнотой и светом, между давлением и освобождением. Каждую секунду я думала о нем. О том, почему он дал мне именно эту задачу. Почему он не уничтожил меня сразу после вспышки гнева.

Было три часа ночи, когда я закончила макет из картона и фольги. Маленькая комната, которая благодаря прорезям в потолке и отражению света превращалась в храм.

Утром я принесла работу в его кабинет. Артемий сидел за столом, пил кофе, читая новости о конкурентах. Он взял макет. Долго рассматривал его, поворачивая разными сторонами к свету. Тишина затянулась, став невыносимой.

— Слишком мягко, — наконец произнес он. Его голос был ровным, но в нем не было прежнего презрения. — Ты боишься тени, Вера. Ты прячешь её. Настоящий свет рождается из конфликта с тьмой, а не из её отрицания.

Он забрал макет. Положил его не в мусор, а в свой личный сейф. Щелчок замка прозвучал громче выстрела.

— Иди. Пропуск в общежитие активирован.

Я вышла в коридор, чувствуя опустошение. Он снова оттолкнул меня. Снова сказал, что я не дотягиваю. Но потом я обернулась. Сквозь стекло я видела, как он достает мой картонный макет и ставит его на полку рядом со своими дипломами. Рядом с работами лучших студентов выпуска прошлых лет.

И тут меня накрыло осознание. Ледяное и четкое.

Он сохранил мою работу. Назвал её слишком мягкой — и поставил рядом с дипломами. Может быть, он видел во мне то, что сам потерял: способность чувствовать свет, а не только управлять им. Мне отчаянно хотелось поверить, что у его жестокости есть смысл. Тогда подпись под кабальным договором казалась бы не капитуляцией, а платой за что-то нужное. Но связка ключей в кармане оттягивала куртку, и слова Ларисы никуда не исчезли.

Я шла по коридору к своей комнате, но ноги сами свернули к лифту. К его квартире на верхнем этаже. В лифт он вошёл передо мной, всё ещё держа макет; я переждала внизу и поднялась следом. Не знала, зачем это делаю. Инстинкт? Глупость? Или та ниточка, которая теперь связывала нас?

Я постучала, прежде чем успела передумать. Дверь открылась. Артемий стоял в проеме, держа в руках мой макет. На фоне темного холла его фигура казалась высеченной из тени.

Он посмотрел на меня. Его глаза не были пустыми. Там плескалось что-то опасное, хищное и одновременно голодное. Взгляд человека, который видит источник огня посреди снежной пустыни.

— Не привыкай к свету, Вера, — шепнул он, и в его голосе не было угрозы, было предупреждение. Приглашение войти в его ад, где станет чуть теплее.

Дверь захлопнулась. Щелчок замка отдался в моих костях.

Я осталась в темноте длинного коридора. Сердце колотилось так, что ребра болели. Это был не страх. Это была тяга. Мне хотелось вернуться туда. Где он. Где тень. Где правда, которая режет глаза.

Мастерская Артемия пахла озоном, дорогим кофе и чужой властью.

В следующую ночь я вошла в три часа, стараясь дышать ртом, чтобы не уловить запах его парфюма — холодного, с нотами металла и ветивера, который сводил меня с ума днём. Мне нужно было закончить эскиз конкурсного проекта для мэрии. Концепция была гениальной: бетонная крепость, прорезанная светом. Но без его ресурсов я бы никогда не смогла отрендерить её за ночь. А впереди защита. Скоро моя жизнь либо начнётся заново, либо закончится в нищете.

Дверь скрипнула. Я замерла, ожидая увидеть тьму. Вместо этого экран монитора залил комнату синеватым светом. Артемий сидел там. Не спал. Он даже не обернулся, только пальцы на клавиатуре замерли.

— Ты здесь, потому что я сказал, — его голос был тише шороха бумаги. — Садись.

Он не спросил, как я прошла охрану. Не удивился. Просто поставил перед моим стулом бумажный стакан с кофе и планшет со стилусом. Жест абсолютного доминирования. Пространство подчинялось ему так же легко, как тело кукловода.

Я села. Медленно. Положила телефон экраном вниз на стол. Маленький бунт. Мой личный щит против его тотального контроля.

Работа пошла тяжело. Мозг отказывался думать трезво. Стресс сжимал виски тисками. Я путала несущие опоры, теряла масштаб. В одном из углов фасада возникла структурная ошибка — дом бы сложился внутрь себя при первом же сильном ветре.

Артемий выхватил стилус из моих пальцев. Резко. Грубо. Его лицо исказилось не злостью, а отвращением.

— В глубинке учат рисовать дома, а не строить их, — процитировал он, и эти слова впечатались мне в череп, как гвозди. — Ты позоришь архитектуру. Твой отец, если бы он умел читать чертежи, умер бы от стыда.

Кровь прилила к лицу. Горечь обиды поднялась волной, но я не заплакала. Слезы — это оружие слабых, а я уже потеряла всё, кроме своей гордости.

— Смотри, — прошипела я, вырывая стилус обратно.

Мои пальцы дрожали, но движения стали быстрее. Я пересчитала нагрузку, изменила угол наклона опоры, добавила контрфорс. Пять минут. Десять. Ошибка исчезла. Расчёт больше не подсвечивал опору красным. Фасад сохранил агрессивную красоту — теперь уже не за счёт устойчивости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.